

IV.1.2. А. Розенберг

Перейдём, однако, к конкретным случаям редакции фактов. Прежде всего, конечно, технология мифа — это особый способ обращения с фактологической базой. Откровенная ложь — лишь крайний случай такого рода, и не в этом проблема: сочинения, основанные на прямой лжи, обычно не вводят в заблуждение не только учёных, но и широкую публику. Гораздо чаще можно встретить «непреднамеренные ошибки», опечатки, ссылки на те разделы наук, которые автор знает слабо, а его публика — и вовсе вряд ли знает, и даже чисто логическое домысливание того, что можно было бы уточнить по уже имеющейся литературе. Поэтому будем говорить не об искажении или подделке, а о редактировании фактов — до тех пор, пока не придём к каким-либо общим выводам. Критикуя подобный же метод в трудах философов-постмодернистов, современные физики замечают:

«Нас могут обвинить в том, что мы ищем “соломинку в чужом глазу” тех, у кого, действительно, нет специального образования и кто, может быть, напрасно залез не в свою область. В то время как их вклад в философию и гуманитарные науки значителен и, в любом случае, не соизмерим с “некоторыми неточностями”, о которых пойдёт речь в этой книге. Мы ответим, что речь идёт о гораздо более серьёзных вещах, чем просто “некоторые неточности” или ошибки: речь идёт о глубоком безразличии, если не сказать презрении, к фактам и логике. Мы постараемся объяснить тогда в отношении каждого автора, в чём именно заключаются злоупотребления в области точных наук и почему они нам кажутся симптомом недостатка точности и рациональности во всём дискурсе в целом» (Сокал, Брикмон 2002: 21—22).

Полностью вымышленных фактов мало и у Розенберга (не считая, конечно, истории с «гипербореической Атлантидой»), и у Гумилёва: всё-таки оба они, хоть и с разным успехом, претендовали на роль серьёзных теоретиков. Чаще можно заметить *редакцию* фактов, их лёгкую подправку. Иногда при этом даются ссылки на интригующие научные идеи, порой и с солидным авторством, но при этом недостаточно проверенные, а в дальнейшем опровергнутые.

С самого начала у Розенберга оказывается, что «арийские» боги Греции — это только Зевс, Афина и Аполлон. Зато Деметра и Гермес — «боги переднеазиатских неарийцев» (Rosenberg 1934: 35—36), не говоря уже о Дионисе. Откуда это известно автору? В наши дни как раз Аполлон считается малоазийским богом, пришедшим в Грецию довольно поздно, зато известным ещё хеттам (до XII в. до н. э.) под именем Апулуноса (Немировский 1983: 182, 198). Но в тексте нет ни единого аргумента или ссылки.

Вообще аполлонический солярный миф здесь взят у Ницше, но перевёрнут с ног на голову. По Ницше, «Аполлон не мог жить без Диониса» (Ницше 1990: I, 70), поскольку лишь дионисические оргии могли примирить культ мировой гармонии и порядка (как раз, по мнению Ницше, и олицетворённый Аполлоном) с чувством несовершенства мира. У Розенберга же Аполлон — изначальный арийский бог, а Дионис — чуть ли не расово чуждый «бастард», его культ — упадочное явление (Rosenberg 1934: 36—37, 44, 48), не говоря уже о сатире как переднеазиатском «расовом образе» — «Rassengestalt» (Rosenberg 1934: 48). «Дионисийцу» Ницше не могла бы понравиться такая интерпретация его учения.

Аргументы в пользу северного («нордического») происхождения «златовласого» Аполлона сводятся к одной фразе: «аргонавты плыли, как говорит сказание, при

северном ветре — отчётливое воспоминание о северном происхождении Аполлона, с севера прибывали ежегодные дары <...>, с севера ожидали героя света [den Helden des Lichts]» (Rosenberg 1934: 46). Это совершенно сумбурное рассуждение. Отдельные слова, выисканные в тексте мифа, ценятся больше, чем весь текст. Хватит уже и того, что на пути в Колхиду (на северо-восток) северный ветер должен был мешать аргонавтам. Что касается даров «блаженных гипербореев», то неясно, откуда они присылались — возможно, даже из Минусинской котловины (Мачинский 1997: 85—86 и др.). Кто такой «герой света»? Откуда он взялся? И верно ли вообще, что греки вспоминали север чаще других направлений? В «Одиссее», например, Борей (северный ветер) упомянут 13 раз, «север» — 0, «полуночный» ветер — 1 раз, всего — 14. В той же «Одиссее» Зефир упоминается 10 раз, запад — 8, закатная сторона — 1, всего — 19 упоминаний (см. таблицу):

	Илиада	Одиссея
север	0	0
полуночный	0	1
юг	4	1
запад	3	9
восток	2	3
Борей (северный ветер)	11	13
Зефир (западный ветер)	2	10
Эвр (восточный ветер)	2	4
Нот (южный ветер)	5	7

Факты притягиваются за уши, чтобы уложить их в заранее предложенную теорию. А поскольку античная история известна нам гораздо слабее, чем история ближайших к нам эпох, в ней достаточно пространства, чтобы сложить из имеющихся камешков чуть ли не любую мозаику. Особенно если она рассчитана на неподготовленного зрителя.

Несколько ниже читаем: «Рим также был созданием северной волны народов, которая задолго до германцев и галлов залила плодородную долину к югу от Альп и сломила господство этрусков, этого “таинственного” чуждого (переднеазиатского) народа...» (Rosenberg 1934: 54). Опять же путаница. Нигде нет указаний, что римляне пришли с севера или считали себя северянами. Зато известно (как из Тита Ливия, так и по данным археологии), что Рим был основан задолго до появления в Италии этрусков — которых, кстати, немецкие историки XIX — начала XX вв. как раз и считали пришельцами из-за Альп. Аргументами для них служило родство этрусского языка с ретским, отмеченное римскими авторами (реты населяли северные склоны Альп и юг нынешней Швабии), а также явное сходство древнейшей рунической письменности с этрусским алфавитом. Сейчас уже ясно, что здесь перепутаны начала и концы: Альпы были не прародиной этрусков, а их последним убежищем (Немировский 1983: 7—9), алфавит их — на греческой основе, а руны заимствованы германцами у тех же этрусков и приспособлены к своим языкам. В наши дни это — общеизвестные факты. Однако Розенберг говорит о дискуSSIONном в его время (как и сейчас) вопросе, словно о твёрдо решённом, не приводя даже ссылок — разве что с дежурными выпадами в адрес «наших цеховых историописателей» («unsere zünftigen Geschichtsschreiber») (Rosenberg 1934: 59). Единственное основание — то, что религия этрусков включала колдовство и оккультизм, а значит,

«по духу» была переднеазиатской и «ненордической». Однако величие Рима оказывается очень коротким и целиком приходится на легендарный период, не освещённый надёжными источниками: мы уже говорили об этом в связи с пониманием истории как регресса.

Совершенно беспочвенно следующее рассуждение: «но ламаизм осуществил в форме римской священнической касты своё вторжение и продолжил восточную политику вавилонян и египтян и этрусков» (Rosenberg 1934: 184). Такое можно утверждать лишь при полном незнании истории Тибета. В этой стране духовная власть одержала решительную победу над светской только в 845 г. н. э., современная же ламаистская церковь во главе с далай-ламами окончательно оформилась лишь в XVI в., когда Третий далай-лама сумел опереться на военную силу монголов. К этому времени католицизм давно уже сложился как законченная система. Да, между культурами папы и далай-ламы есть внешнее сходство, но даже если допустить тут прямое заимствование, оно могло идти лишь с Запада на Восток, ведь в Европе и мусульманских странах власть пап, имамов, шейхов сложилась куда раньше, чем ламаистская иерархия. На той же странице упоминается, что протестантский дух обновил этот католический, а по духу — «тибетско-этрасский мир». И это после всех надежд, которые немецкие мистики связывали с Тибетом!

IV.1.3. А. Н. Гумилёв

Гораздо чаще подретушированная «художественная правда» встречается у Л. Н. Гумилёва. Это замечено многими специалистами. Однако для Гумилёва редактирование фактов облегчалось тем, что по его тематике (история Востока, Китая и тем более кочевников) специалистов было мало, а в некоторых областях он и вовсе был первопроходцем. К тому же Гумилёву, сыну двух незауряднейших поэтов, явно был ближе художественный взгляд на прошлое, и в знаменитой статье «С точки зрения Клио» он специально задаётся вопросом: «На что опираться романисту?».

«Изучение источников требует специальной подготовки и специальных знаний, которых у литератора может не быть, да, пожалуй, и не должно быть. В таком случае он превратился бы в историка и перестал бы писать романы <...>. Эту работу должны выполнять историки-специалисты <...>, но, к сожалению, их исследования разбросаны в огромном количестве статей, а библиография — это тоже особая специальность, которая не облегчает, а, пожалуй, затрудняет работу литератора. Как быть? Я думаю, писатель должен иметь нечто вроде свода истории данной эпохи, где достоверное отделено от гипотетического и предположительного. То, что для историка венец работы, для писателя станет трамплином, с которого работа начинается» (Гумилёв 1977: 248).

И далее автор ссылается на пример «В. Шукшина, который работал над романом о Разине, имея на столе академический трёхтомник материалов по этой теме» (там же). Но ведь у В. М. Шукшина — именно роман, его художественный характер не скрыт от читателя, в нём практически нет ссылок. Гумилёв же подаёт свои произведения как *научные* исследования. Ссылки у него обильно рассыпаны по всем страницам, и неискушённый читатель без исторической подготовки не замечает, что это не те ссылки, что они отсылают не к первоисточникам, а к историографии, намеренно оставленной без серьёзного анализа, что все сведения — из третьих рук. А в таком случае только что приведённые слова можно считать только манифестом